

Тяжба о вотчинных землях деревни Бизяки.

Деревня Бизяки расположена в Прикамье, на северо-востоке Республики Татарстан, и входит в состав Менделеевского района. Она находится на берегу Нижнекамского водохранилища в 12 км к востоку от районного центра. Деревня тянется с севера на юг километра на два вдоль небольшой речки, которую жители называют просто «инеш (речка)», а в официальных документах она значится как речка Безяка. Точное время возникновения деревни Бизяки, как и у большинства населенных пунктов, неизвестно. О значительной давности появления этого поселения говорят как легенды и предания, известные мне с детства, так и документы XVII-XIX веков.

Во владении бизякинского сельского общества издавна была и вотчинная земля, что, несомненно, представляет большой интерес для изучения. История бизякинской вотчины отражает социально-экономические процессы, происходившие в Вятском крае в XVII-XIX веках, затрагивая вопросы расселения и взаимоотношения многонационального населения региона. На примере одной татарской деревни — маленькой ячейки общества — можно увидеть и политику властей, методично ставивших своей целью ограничение прав нерусских народов края, особенно, главного их права — права на землю.

Документы, свидетельствующие о вотчинном праве бизякинцев на землю, видимо, появились в XVI-XVIII веках. Однако обнаружены они были среди более поздних дел, относящихся к XIX веку. Главный из них — грамота (предписание) Петра I уфимскому воеводе В.Ф.Леонтьеву от октября 7205 (1697) года. Именно она в ходе всех споров предъявлялась бизякинцами как документ, дающий им неоспоримое право на свою землю. Приведу эту грамоту полностью.

«От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца на Уфу стольнику нашему и воеводе Василью Федоровичу Леонтьеву да подъячому Федору Юрьеву.

Били челом нам, великому государю, Уфимского уезду Казанския дороги Ирминския волости башикирцы Агилдейко Тямов да Еманко Юскеев: старинная де вотчина за ними деда их Тогайки Белякова за Камою-рекою по речке Безяка и вниз по Каме-реке. Нижняя межа Долгая гора, а сверху межа от горы Был-Караул, а вверх по речке Безяке по обе стороны. Да за ними ж рыбные ловли, что даны им во 151 году Ахбулатке Ихтееву на устье речки Безяка и два озера Шаранбур да Казанбур. И старинная де их крепость на тое их вотчину и рыбные ловли во 159-м году згорела. И в прошлом де 200-м году дана им выпись на Уфе за печатью города Уфы, и нам великому государю пожаловати бы их, велеть им дать нашу великого государя грамоту к вам на Уфу с прочетом, чтобы им тоєю своею вотчиною и рыбными ловлями и всякими угодыи владеть по-прежнему. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы бы тою их вотчиною со всеми угодыи и рыбными ловлями велели владеть по выписи, какова им дана на Уфе, и оброк и ясак платить им на Уфе. И оброчные ж платить им на Уфе сполна. А прочтя сию нашу великого государя грамоту, списав с нее список, дали им, челобитчикам, впредь для иных воевод и

приказных людей.

Дана на Москве лета 7205 октября в день. . .

На обороте столпца в заглавии подписано тако: на Уфу стольнику и воеводе Василью Федоровичю Леонтьеву да подъячему Федору Юрьеву. По столпцу подписал дьяк Макар Молчанов. Спросил Мишка Васильев» (РГАДА, ф. 1306, оп.2, д. 127, л.113).

Несмотря на небольшой размер, грамота эта весьма информативна. Начнем с того, что речь в грамоте идет о *«старинной вотчине Тогаля Белякова за Камою-рекою по речке Безяка и вниз по Каме-реке»*. Однако *«старинная крепость на тое их вотчину и рыбные ловли во 159-м (1651) году згорела»*. В 1692 году наследники Тогаля Белякова и Акбулата Ихтеева получили *«выпись на Уфе за печатью города Уфы»* с подтверждением их права на эту вотчину и рыбные ловли. Для большего закрепления за собой этих земель они обратились к царю Петру I с просьбой подтвердить их права. Грамота (предписание) Петра I уфимскому воеводе В.Ф. Леонтьеву от октября 1697 года фактически явилась заменой сгоревшей в 1651 году жалованной грамоты. К вопросу о том, почему только в конце века понадобилось новое подтверждение вотчинных прав, вернемся чуть позже.

В грамоте Петра I есть только название речки Безяка, сама же деревня не фигурирует. Ответ на естественный вопрос — а была ли деревня Бизяки в то время находится в других документах этого же дела. Например, в приходной хлебной книге Приказа Казанского дворца 1650 года упоминается *«пашенная земля чувашевская деревни Безяков»* (РГАДА, ф. 1306, оп. 2, д.127, л.92).

Очень важно, что документ указывает границы бизякинской вотчины. Южные границы ее проходили по Каме-реке на протяжении 15-20 верст: на западе они доходили до местности, которая расположена на крутом повороте реки Кама и поныне по-татарски называется — «Озын Тау» (можно перевести как «Долгая Гора»). Русское же название претерпело изменения — теперь это Тихие горы. Восточная же грань вотчины вверх по течению реки Кама, гора Был-Караул, — это возвышенный берег Камы, километрах в семи от речки Безяка, место, на самом деле, очень удобное для караула, ибо отсюда Кама хорошо просматривалась и вверх и вниз по течению. Сейчас на этом месте находится село Икское Устье. Стержнем — средней линией этого владения являлась речка Безяка, которая на протяжении 15-20 верст текла с севера на юг среди лесов и впадала в одно из множества озер, находившихся на заливных лугах долины Камы (ныне эта территория занята Нижнекамским водохранилищем). Земли по обеим сторонам этой речки, от ее истока до устья, и входили в состав Тогаевой вотчины. Точные границы земель на восток и запад от речки Безяка четко не определены, указано лишь, что они расположены *«по речке Безяке по обе стороны»*.

Такая недостаточная определенность границ бизякинской вотчины давала возможность царской администрации передвигать их по своему усмотрению, тем более, что эта территория в то время была покрыта лесами, учет которых в крае еще только начинался. Бизякинцы же, по житейской логике считая, что им принадлежит территория примерно на 7-10 верст по обеим берегам речки,

видимо, до поры-до времени особо не задумывались о ее точных границах. Они лишь припускали на свои земли припущеников, как правило, на основе устных договоров. Так во второй половине XVII века на речке Безьяка существовало уже три поселения. Кроме того, в разное время и на различные сроки бизякинцы сдавали в аренду жителям соседних поселений сенокосы и рыбные ловли (также, в основном, по устной договоренности).

В XVII веке царская администрация достаточно активно начала создавать новые поселения на неразмежеванных землях вокруг бизякинской вотчины. Так, на Азаевой пустоши между землями татарской деревни Бизяки и удмуртской деревни Игра (ныне расстояние между ними — 21 километр) возникла новокрещенская деревня Сетяково. В начале XVII века на приграничных землях соседних татарских деревень Бизяки и Тураево, имевших жалованные грамоты на свои земли, Костромской Богоявленский монастырь заложил Камскую Богородскую пустынь. В середине века здесь «поселены были властями Костромского Богоявленского монастыря крестьяне». В 1656 году «по челобитью архимандрита Корнелия с братиею» была отдана «в оброк порозжая земля на реке Каме против устья Ик реки и сенные покосы Костромы Богоявленского монастыря игумену Герасиму с братиею». Размер этой «порозжей» земли - «переложные земли 50 четвертей, лесу черного в длину на две версты, а поперек на версту» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д.489, л. 33-33об.). Так появилась русское село Богородское (Икское Устье тож).

Однако оброчной земли им явно не хватало, и монахи пустыни не раз самовольно захватывали бизякинские земли. Тяжбы, сведения о которых дошли до нас, начались еще в 80-90 годах XVII века. По поводу захвата сенокосов, вырубки и расчистки лесов бизякинцы не раз обращались с жалобами по инстанциям. Так одна из челобитных была направлена в 1699 году на имя казанского губернатора Кудрявцева. После тщательного разбирательства с участием елабужского воеводы права бизякинцев в 1700 году были признаны: «**Посему велено** тем санным покосам по крепостям и по розыскам и по чертежам быть за челобитчиками за башкирцы за Урусовым с товарищами, а ответчикам Костромского монастыря стряпчому отказать, для того что тех покосов за ответчиками не написано, а написаны те к монастырю покосы и именно за Камою рекою, а не в тех местах и урочищах» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д.489, л. 33-38).

Наступление на бизякинские земли шло и со стороны другой, западной границы бизякинской вотчины — Долгой горы. «Порозжие земли» к востоку от нее в 1673 году были пожалованы игумену Илариону с братиею из Седмиозерной пустыни, расположенной близ города Казани. На этих землях и возникли монастырский двор, ставший позже селом Богоявленским (Тихие Горы тож), и сельцо Бондюга. В монастырском дворе, устроенном на Долгой горе, в 1681 году числилось 8 мужских душ. При нем состояли также 14 бобыльских дворов, где жили 15 бобылей и 14 их детей и племянников. Расчистив и распахав «порозжую землю» для монастыря, они «во время бытности за означенным монастырем обрабатывали часть на тот монастырь,

а остальное на себя» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д.489, л. 50-50 об.). В переписи архиерейских и монастырских крестьян по Казанской губернии в 1710 году «Дмитриевских вотчин Седмиозерной пустыни село Тихие Горы» насчитывало уже 79 бобыльских дворов (История Татарии в материалах и документах. - М: Госэзгиз, 1937, с. 200).

Активное заселение окрестных земель в конце XVII века и возникновение новых поселений, во время которого нередко затрагивались интересы бизякинцев, и заставило их обезопасить свои владения официальными документами. Жалованная грамота, данная Тогаю Белякову, еще до пожара в 1651 году была «засвидетельствована на Уфе». Поэтому представители бизякинцев в 1692 году смогли получить «выпись на Уфе за печатью города Уфы», а в 1697 году - грамоту Петра I с подтверждением их права на эту вотчину и рыбные ловли. При описании этих документов упоминается грамота 7025 (1517) года, которая, предположительно, может быть «старинной крепостью» Тогай Белякова (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д.489, л. 59). В этом случае вотчинное право на свои земли бизякинцы получили в 1517 году.

До середины XVIII века бизякинская вотчина ясачных татар, как и вообще «владеемая башкирцами и тептярями земля и угодья находились из платежа ясака деньгами, медом и зверьями». Когда «по указу Правительствующего сената от 24 марта 1754 года, последовавшему с высочайшего повеления, г. Оренбургскому губернатору Неплюеву было предписано ясак с них снять», а «владеемые земли по тем укреплениям оставить за теми башкирцами и тептярями», многие обладатели вотчинного права, в том числе и бизякинцы, поспешили закрепить свои вотчины, записавшись «в башкирцы» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 74об.-75).

Так ясачные татары-вотчинники Бизяков стали башкирцами. Но наступление на бизякинскую вотчину продолжалось. Местная администрация продолжала отбирать отдельные участки земли в казну. Как писали бизякинцы, даже «часть их сенных покосов, состоящая под самой их деревней по обе стороны речки Безяка из владения их с давних лет взошла в казенный оброк и по переоброчкам переходила разным частным людям». Новые переселенцы также захватывали части бизякинских земель, селились «на завлажденных у них землях целыми селениями да немалою числа душ и притом многократно не только на завлажденных местах, но и на неоспоримой по близости их деревни Безяков земле вырубали леса, о чем, как о самосильном их поселении, так и о вырубке лесов в 1784, 1794 и 1803 годах были поданы в Мензелинский уездный суд явочные прошения» (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, лл. 67 об. — 68).

Вопрос о границах бизякинской вотчины вплотную встал в начале XIX века, когда проводилось генеральное межевание земель Башкирского войска. Межевание земель бизякинской вотчины учинено было 16 сентября 1805 года. В ходе оформления необходимых документов выяснилось, что немало участков, которые бизякинцы считали своими, не вошли в обмежеванную дачу. К тому же на часть территории бизякинской дачи претендовали жители сел округа, за давностью лет пользования ими привыкшие считать их своими. Вятская межевая контора, рассмотрев эти претензии, 2 января 1807 года

подписало «решительное определение» о том, что «о показанных башкирских землях дело решено». 14 января 1807 года это решение было представлено в первый и шестой департамент Правительствующего Сената. 29 и 30 января копии «с решительного определения» были также отосланы в Вятскую казенную палату и Уфимскую экспедицию (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, лл. 72 об.-73). Так межевание было «по решению Вятской межевой конторы споров утверждением окончено в 1807 году» (НА РТ, ф.324, оп.727, д.116).

Однако бизякинцы не удовлетворились этим решением и подали в Межевую канцелярию (Москва) апелляционную жалобу на решение Вятской Межевой конторы. «В сей жалобе писано, что деревня Безяк состоит на жалованной земле предкам их Агильдку Тямову да Яманку Юскееву по грамоте 7205 года и по выписи 207 года от стольника и воеводы Кудрявцова, что предки во время владения теми землями некоторую часть оных отдавали во владение на время из условленной платы живущим близ их деревни Безяков поселянам села Богородского Икское устье тож, села Богоявленского Тихие горы тож, селениям Сетяково, Такашево, Макаровой Тоймы, Сарсаз, Псеевы крестьянам, черемисам, татарам и тептярям, а деревни Старой Юмьи вотнякам остров для расчистки (НА РТ, ф. 986, оп. 1, д. 489, л. 67 об.).

Пока апелляционная жалоба бизякинцев ожидала своей «очереди» на рассмотрение среди череды множества подобных жалоб в Москве, в Вятке нашелся особо ретивый чиновник, усомнившийся в праве бизякинцев на вотчинную землю. Старший чиновник лесного ведомства в Вятской губернии, усмотрев нарушение прав казенных (русских) крестьян, задался вопросом: «какое те башкирцы имеют право присваивать те земли?». Он обратился к гражданскому губернатору с представлением «приказать кому следует, права башкирцев и тептярей по Елабужской округе рассмотреть и ежели они особой привилегии не имеют, то сделать между ними и русскими крестьянами в этих правах уравнивание на основании межевой инструкции, расчисляя всем им по 15 десятин на каждую душу, и просил Межевой конторе предписать, чтобы она выдачу башкирцам и тептярям планов на их владения по Сарапульскому и Елабужскому уездам удержала до точного рассмотрения прав их судебным порядком» (Там же, лл.21-22).

Постановлением от 17 апреля 1812 года Вятское губернское правление предписало Елабужскому уездному суду разобраться в этом вопросе, для чего «выписать башкирцев деревень Безяков, Тураевой и Куразовой или их поверенного с документами на владенные ими земли». Началось новое расследование в Елабужском уездном суде с собиранием вновь документов, с привлечением поверенных и понятых претендующих на спорные земли сторон. Оно, таким образом, «возникло по одному протесту Вятского обер-форштмейстера, основанному на мнимом его предположении будто башкирцы, обитающие в Сарапульском и Елабужском уездах, не должны иметь земель более окружающих их казенных крестьян» (Там же, л.82). Материалы расследования показывают, что чиновники в разные годы взяли в казну 19 участков, которые бизякинцы считали своими. Так, уже говорилось о возникновении на этих участках деревень Сетяково, Икское Устье и Тихие

Горы. Часть участков была отдана казной на различных условиях жителям других окрестных сел. В результате в спор оказались замешанными, кроме названных трех деревень, Куразово и Тураево, составлявшие вместе с Бизьяками один юрт, Текашево, Псеево, Ахтиял, Ижевка, Мунайка, Тойма, Старая Юмья, неназванные деревни Алнашской и Камаевской волостей...

«Дело» бизякинцев прошло все этапы расследования и дошло до Межевого департамента Правительствующего сената, который, «возвращая в Межевую канцелярию при указе от 31 октября 1828 года за № 2388 дело, предписал решение канцелярии коим дававшее в том, чтобы деревни Безяков владения башкирцев оставить в границах бывшего до 765 года владения, и спорные отводы, отведенные той деревне из разных дач, уничтожить, и те спорные земли оставить в тех дачах, от коих оные отведены были, кроме одного места под знаком (знак тамги, похожий на «3») - А.М.» (Там же, л. 97). Так из 19 спорных мест Межевой департамент счел возможным вернуть бизякинцам лишь один участок.

Однако местные чиновники вновь и вновь находили новые причины для возобновления расследования. В 1832 году «...все права башкирцев на занимаемые земли рассматривались уже в Верховном правительстве» (Там же, л. 82). «В именном высочайшем указе, данном правительствующему сенату 10 апреля 1832 года, помещенным в полном собрании законов под № 5287-м, между прочим изображено: мнения прекратить отныне все розыскания по владению башкирцами землями, дабы таким образом утвердить права башкирцев на принадлежащие им земли, и положить конец разорительным тяжбам, повелеваем: *признать башкирцев владельцами всех этих земель, кои отныне бесспорно им принадлежат*» (Там же, л. 177-177 об.).

Хотя после этого указа бизякинцы и получили в 1834 году на руки план своей дачи и межевую книгу, спокойствие для них на этом не наступило: Елабужский уездный суд в 1841 году вновь возбудил дело о бизякинской даче.

Стряпчий 11-го башкирского кантона Скарятин 21 октября 1842 года подал в уездный суд объяснительную записку. В ней «стряпчий к защите прав башкирцев представляет на благоусмотрение суда: 1-е, - если башкирцы действительно имеют у себя противу прочих сословий превосходство в землях, то одно это несколько не должно было вовлекать в сомнение вятского обер-форштмейстера, ибо все земли башкирцев, состоящие по реке Каме, прилежат к Оренбургскому краю, принадлежат им со времен древнейших и в последствии за верную службу их жаловано им в вечное владение; и 2-е, - все права башкирцев на занимаемые земли рассматривались уже в Верховном правительстве, и те из них, которые обмежеваны бесспорно, по именному Высочайшему указу от 10 апреля 1832 года признаны неотъемлемою собственностью башкирцев, следовательно теперь, за силою этого указа, по одному неосновательному протесту вятского обер-форштмейстера, из дач башкирцев Сарапульского и Елабужского уездов по трем - Исенбаевской, Безякейской и Тураевской, бесспорно обмежеванных земель назад тому несколько уже десятков лет, нет никакого резона пересматривать снова навеки утвержденные высочайшей властью права башкирцев» (Там же, л.82-82 об.).

Однако расследование продолжалось. Летом 1849 года Елабужский уездный суд решил провести выездное заседание суда в деревне Бизяки.

«Присутствие уездного суда открыто 20 июня 1849 года в деревне Безяках, а 24 того же июня, прибыв на место по чинимому пункту генерального плана литера А депутата башкирской стороны, стряпчий Туленков словесно представил временному присутствию уездного суда Елабужского, что при этом пункте во владении башкирцев и тептярей не только нет излишне отмежеванной казенной земли, но противу грамоты 7205 года октября дня еще не вполне отмежевана земля, так как по грамоте Долгая гора должна быть границею башкирских владений, а она в сем месте в казенных владениях. Посему Туленков просил сделать до этой горы измерение или осмотр и записать оный в акт, и что подобно сему он, стряпчий Туленков, и в прочих, где из башкирских владений земля отшла в казенное ведомство, будет предъявлять и просить записывать в акт; например, впадение речки Безяка должно быть внутри башкирской дачи, но по межеванию впадение сей речки далеко уже в казенном владении».

Однако присутствие уездного суда заявило, что прибыло на место, чтобы «производить поверку внутри башкирских и тептярских дач только в том, не заключается ли в тех приписных отмежеванных противу актов казенных земель и лесов, а не отыскивать, как требует башкирский стряпчий за генеральною границею в казенных дачах земель, принадлежащих якобы башкирцам и тептярям». Поэтому окружной начальник и землемер Вятской палаты государственных имуществ не согласились на исполнение требования стряпчего Туленкова, «ибо всякие обыски после генерального межевания воспрещены статьею 712-ою и примечанием к 797ст. X-т. Св.зак. изд.1842 г.» (Там же, л.111 -113). В результате «Елабужским уездным судом 25 июня 1849 года постановлено: присутствие сего суда в деревне Безяках закрыть, членам и канцелярии отправиться в г. Елабугу» (Там же, л. 117). Для продолжения следствия суд запросил из Москвы межевые документы по Бизякинской даче, на что Межевая канцелярия указом от 7 ноября 1850 года за № 31630 дала Елабужскому уездному суду новое разъяснение: «За силою Межевой инструкции 12 главы 19 пункта владеемые земли по тем укреплениям оставить за теми башкирцами и тептярями и уравнения землями с русскими казенными крестьянами делать не следует», советуя закрыть расследование (Там же, л. 74об.-75).

Елабужские чинуши с невероятным упорством продолжали сомневаться в достоверности права бизякинцев на земли. Новый выезд в Бизяки был назначен на 15июня 1851 года. По каким-то причинам он был отложен. Члены уездного суда прибыли в деревню 23 июня 1852 года. Здесь «Елабужский уездный землемер Титов объяснил уездному суду, что как видно из указа Межевой канцелярии, настоящее дело межевым производством давно уже окончено, что производить поверку в натуре границ по выданным планам и межевым книгам, кроме того что она потребует продолжительного времени, он считает совершенно излишней, потому что с обеих сторон, т.е. башкирской и казенной никаких споров об этом не объявлено, а ежели и есть споры о границах, то дела

об них производятся особо, и что означенную поверку производить он считает даже несогласным с 5-м пунктом указа бывшей Вятской палаты гражданского суда от 17 ноября 1841 г за № 2376». Стряпчий Хребтович же предложил все находящиеся при деле документы на земли башкирцев и тептярей представить в комиссию, высочайше утвержденную в городе Уфе для рассмотрения прав башкирцев и их припущенников. Уездный суд 25 июня 1852 года постановил: «... отослать все дело для рассмотрения в комиссию высочайше утвержденную в городе Уфе о наделении башкирских припущенников землями, а членам уездного суда и депутатам отправиться по своим местам и занятиям. Судебная палата указами от 19 ноября и 22 декабря 1852 года дала знать уездному суду, что это дело надлежит окончить сообразно сведениям в сенатском решении и по другим обстоятельствам» (Там же, лл.118-120).

12 августа 1859 года состоялось новое решение уездного суда «относительно разбора прав башкирцев на земли». В нем отмечалось, что «межевые судебные места решениями прекратили только споры о границах земель, но выданная на владение оными башкирцами беспорной по 883 ст. 3ч. Св.зак. межевания, планы и межевые книги не могли за силою 884 ст. зак. межевания быть принимаемы» (Там же, л. 177 об.-178). Следовательно, елабужские крючкотворы продолжали искать зацепки для ограничения прав бизякинцев. Их остановило только издание в 1863 году «Положения о башкирцах».

Статьями 15, 17 и 20 «Положения о башкирцах (приложение к 1-ст. II т. 24. учрежд.управл.инор.в продожении 1864г) ... определено, что общественные вотчинные земли, в прежнее время пожалованные башкирцам или иначе им доставшиися, обмежеванные за башкирскими обществами при генеральном межевании и состоящие в беспорном их владении, принадлежат сим обществам на праве собственности, что такие земли предоставляется башкирским обществам продавать и отдавать в срочное содержание; и что каждый член общества может требовать, чтобы причитающуюся на его долю из вотчинной общественной земли участок был выделен ему в частную собственность» (Там же, лл. 178-178 об.).

Таким образом, тяжба местных властей с бизякинцами продолжалась в XIX веке без малого шесть десятилетий. Было принято окончательное решение: «Такое точное определение прав башкирцев на обмежеванные за ними при генеральном межевании земли, как бы ни были им доставшиися, разрешает предложенный вопрос тем, что настоящее дело в палате следует производством прекратить и неисполненную Елабужским уездным судом по указу гражданской палаты поверку земель по актам оставить без исполнения, равно и решение сего суда, состоявшегося 12 августа 1859 года относительно разбора прав башкирцев на земли, как не могущие ни увеличить, ни уменьшить тех прав, предоставленных положением о башкирцах, оставить без исполнения» (Там же, лл. 178 об.).

Махмутова Альта Хазеевна, канд. ист. наук,
лауреат премии АН РТ им.Шигабутдина Марджани,
г. Казань